

Е. В. Шкурко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ДВУЧЛЕННАЯ ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследована проблема синтаксической неоднозначности. Определены причины возникновения конструкций с двучленной парадигматико-синтаксической омонимией. Рассмотрены модели, по которым строятся подобные высказывания, и приведена их классификация. Проанализированы результаты эксперимента, подтверждающего тот факт, что словоформа именительный-винительный, стоящая в начале предложения, первоначально воспринимается реципиентом в значении именительного падежа. Указаны способы элиминации синтаксически неоднозначных конструкций.

Ключевые слова: двучленная парадигматико-синтаксическая омонимия, омоформа именительный-винительный, элиминация.

Шкурко О. В. *Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.*
**ДВОЧЛЕННА ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАКСИЧНА ОМОНІМІЯ В СУЧАСНІЙ
РОСІЙСЬКІЙ МОВІ**

Досліджено проблему синтаксичної неоднозначності. Встановлено причини виникнення конструкцій з двочленною парадигматико-синтаксичною омонімією. Розглянуто моделі, за якими будують подібні висловлювання, і наведено їх класифікацію. Проаналізовано результати експерименту, який підтверджує той факт, що словоформу називний-знахідний, яка стоїть на початку речення, реципієнт сприймає в значенні називного відмінка. Вказано способи елімінації синтаксично неоднозначних конструкцій.

Ключові слова: двочленна парадигматико-синтаксична омонімія, омоформа називний-знахідний, елімінація.

Shkurko E. V. *Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.* **TWO-MEMBER
PARADIGM AND SYNTACTIC HOMONYMY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Homonymy is a manifestation of special properties of the sign, through which different signified may correspond to identical meaning, therefore, it represents some obstacle in the communication process. Homonymy also causes difficulties in the process of learning a foreign language in the construction of automatic text processing. Nevertheless, it has been studied much less than such related phenomena as polysemy, synonymy and antonymy. Homonymy is studied mainly on lexical and grammatical level, and the degree of studying a problem of syntactic ambiguity is still not high enough.

Thus, the relevance of the study of homonymy on the syntactic level is due to the lack of knowledge of the degree of linguistic phenomena, as well as the need for linguistic interpretation of syntactically ambiguous structures in order to optimize the communication process and the perception of foreign-language messages.

In this article the cause of the constructs containing binomial paradigmatics-syntactic homonymy is determined. We consider the model on which such statements are based, the classification of ambiguous sentences is provided. The results of the experiment, confirming the fact that the word form the nominative-accusative, standing in the beginning of the sentence originally perceived by the recipient within the meaning of the nominative case are analyzed. Ways of eliminating syntactically ambiguous structures are identified.

The problem of syntactic homonymy is part of a more general problem of correlation between form and content in the language, which makes its deep theoretical study of urgent necessity.

Key words: two-member paradigm and syntactic homonymy, homoform Nominative-Accusative, elimination.

Омонимия – явление, неизбежно присутствующее во всех языках мира. Ее существование обусловлено самой природой языка и определяется условиями его функционирования в качестве средства общения. По словам Л. В. Малаховского, «омонимия является неизбежным, закономерным результатом стихийного развития языка и, следовательно, представляет собой абсолютную лингвистическую универсалию». А из признания универсальности омонимии следует, что она «не может рассматриваться как “дефект” или “болезнь” языка, а представляет собой одно из его *фундаментальных свойств*, которое должно приниматься во внимание во всех теоретических концепциях языкознания, а также при решении различных прикладных задач» [6, с. 15].

Поскольку омонимия – это проявление того особого свойства языкового знака, в результате которого разным означаемым могут соответствовать тождественные означающие, она представляет собой определенную помеху в процессе коммуникации. Омонимия также вносит трудности в усвоение иностранного языка, когда учащийся сталкивается с тем, что одна и та же языковая форма может иметь совершенно разные значения, – факт, на который в своем родном языке он обычно не обращает внимания. Анализ таких форм значительно затрудняет восприятие иноязычного текста или сообщения. Не меньшие трудности вызывает омонимия и при построении систем автоматической обработки текста.

Учитывая все вышеизложенное, логично предположить, что этот языковой феномен находится под пристальным вниманием специалистов и досконально исследован, однако к настоящему времени омонимия изучена значительно меньше, чем такие смежные явления, как полисемия, синонимия и антонимия. До сих пор нет четкого определения основных понятий омонимии, не упорядочена терминология, нет классификации, которая адекватно отражала бы формально-смысловые отношения между различными классами омонимов [Там же, с. 4]. Омонимия изучается в основном лишь как лексико-грамматическая проблема, а степень разработанности проблемы синтаксической неоднозначности все еще недостаточно высока. Омонимию предложений большинство современных исследователей рассматривает с точки зрения автоматической обработки текста [2–4; 7].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что *актуальность* исследования неоднозначности на синтаксическом уровне обуславливается недостаточной степенью изученности омонимии, а также необходимостью лингвистической интерпретации синтаксически неоднозначных конструкций в целях оптимизации коммуникативного процесса и восприятия иноязычных сообщений.

Поставив перед собой *цель* рассмотреть неоднозначность в синтаксическом аспекте, в данной статье мы определим причины возникновения неоднозначности предложений, содержащих омоформу именительный-винительный, проанализируем классификацию подобных конструкций и укажем способы их элиминации.

В русском языке нередко встречаются синтаксические конструкции, содержащие так называемую двучленную парадигматико-синтаксическую омонимию [5, с. 87], в которых имена, входящие в состав предложений, имеют одинаковые формы в именительном и винительном падежах: *Мать любит дочь. Бытие определяет сознание. Горе сменяет радость* и т. п. Любая конструкция данного типа может быть представлена в виде схемы П – С – Д, где символ П обозначает подлежащее, С – сказуемое, выраженное переходным глаголом или его сочетанием с другими глагольными формами, и Д – дополнение, имеющее форму винительного падежа без предлога. Н. П. Колесников, детально исследовавший предложения типа П – С – Д, предложил следующую классификацию той категории неодно-

значных конструкций, в которых подлежащее и дополнение являются именами существительными [5, с. 87–92] (индексы, расположенные в правом нижнем углу символов П и Д, служат показателями категории препозиционного подлежащего и постпозиционного дополнения):

П₁ – Д₁ – неодушевленные существительные мужского рода единственного числа: *Телевизор перекричать старается радиоприемник.*

П₂ – Д₂ – неодушевленные существительные мужского рода множественного числа: *Стулья заменяли ящики из-под бисквитов.*

П₃ – Д₃ – неодушевленные существительные женского рода единственного числа 3-го склонения: *Рождаемость превышает смертность.*

П₄ – Д₄ – неодушевленные существительные женского рода множественного числа 3-го склонения: *Водоросли тянут сети.*

П₅ – Д₅ – неодушевленные существительные женского рода множественного числа 1-го склонения: *Цифры покрывают бумаги.*

П₆ – Д₆ – одушевленные существительные женского рода единственного числа 3-го склонения: *Форель сменила стерлядь.*

П₇ – Д₇ – существительные среднего рода единственного числа: *Платье задело весло.*

П₈ – Д₈ – существительные среднего рода множественного числа: *Слова заменили дела.*

П₉ – Д₉ – существительные с фронтальной омонимией форм – так называемые «несклоняемые» существительные: *Какаду беспокоит шимпанзе.*

Приведенные модели, являющиеся типовыми, могут иметь разновидности, например: П₁ – Д₃ (*Спрос рождает предложение*), П₇ – Д₁ (*Предприятие снабжает колхоз*), П₈ – Д₂ (*Озера рождают ручьи*) и др.

Если проанализировать все типы предложений в представленной классификации, то можно заметить явное преобладание сочетаний с субъектом и объектом в мужском роде, что можно объяснить следующими факторами. Во-первых, по данным «Частотного словаря» Э. Штейнфельдт, 46,8 % существительных русского языка относятся к мужскому роду, поэтому сочетания со словами мужского рода наиболее частотны в своем употреблении. Во-вторых, в единственном и во множественном числе все неодушевленные существительные мужского рода, которые не оканчиваются на *-а*, *-я*, не различают формы именительного и винительного падежей. Более низкий уровень наполняемости двух других симметричных по категории рода сочетаний субъекта и объекта (женский род – женский род, средний род – средний род) объясняется следующими причинами. 1. Если и субъект, и объект являются словами женского рода, то роль ограничителя омонимии играет категория склонения: только в третьем склонении именительный и винительный падежи существительных женского рода совпадают в единственном и множественном числе (для одушевленных только в единственном), что делает возможным существование такой омонимичной конструкции, как *мать любит дочь* или *дочь любит мать*. Поскольку число существительных женского рода 3-го склонения значительно уступает количеству существительных этого рода в первом склонении, этим фактом можно объяснить меньшую употребительность сочетаний, где субъект и объект представлены словами женского рода (35,1 %). 2. Малочисленность наполнения сочетаний, где омонимичные субъект и объект – слова среднего рода, можно связать с немногочисленностью существительных среднего рода (15,5 %) [3, с. 39].

Большинство лингвистов, занимающихся проблемой синтаксической омонимии, считает, что синтаксическое значение словоформ в подобного рода конструкциях определяется по их местоположению в составе предложения: имя, предшествующее глагольному сказуемому, обозначает субъект действия, то есть является подлежащим, а имя, следующее за сказуемым, представляет собой объект этого действия и, следовательно, является прямым дополнением.

Безусловно, если рассматривать первые компоненты приведенных выше примеров в качестве субъектов, предложения будут восприниматься строго однозначно. Однако проблема заключается в том, что в русском языке порядок слов обладает достаточно большой свободой размещения компонентов, вследствие чего вполне допустимо и препозиционное, и постпозиционное расположение прямого дополнения относительно предиката. Следовательно, в русском языке допускается построение конструкций с таким порядком следования подлежащего, сказуемого и прямого дополнения: Д – С – П.

Необходимо отметить, что словоформа именительный-винительный, стоящая в начале предложения, первоначально воспринимается реципиентом в значении именительного падежа, даже если автор высказывания употребляет ее в значении винительного падежа. Мы провели эксперимент: предложили группе студентов-филологов выполнить ряд заданий, направленных на выявление синтаксически неоднозначных конструкций. Одним из таких заданий было следующее – разобрать по членам предложения высказывания: 1. *Запахи кушаний глушили волнующе-тонкие ароматы расставленных по столикам живых цветов* (М. Шолохов «Тихий Дон»). 2. *Кислород выделяет перекись водорода*. 3. *Их «Жигуленок» буквально расплющил огромный КАМАЗ* («Наш город», 15.02.2005). В первых двух случаях все испытуемые (100 %) посчитали компоненты «запахи кушаний» и «кислород», расположенные по отношению к глаголу-сказуемому препозиционно, подлежащим, хотя эти элементы являются в данных предложениях прямыми дополнениями (что явствует из контекста). При первоначальном восприятии третьего примера 85 % опрошенных квалифицировали слово «Жигуленок» в качестве субъекта, и только нелепость возникшего при этом семантического значения высказывания заставила их переосмыслить фразу и определить указанный компонент как дополнение, придав ему значение винительного падежа.

Таким образом, начальное имя в форме именительного-винительного падежа воспринимается как употребленное в именительном падеже не только в конструкциях семантически обратимых, то есть таких, в которых обе интерпретации представляются адресату высказывания одинаково вероятными, например: *«Мерседес» обогнал «Фиат»*; *Крейсер обстрелял эсминец* и т. п., но и в предложениях семантически необратимых, которые не могут иметь два значения, поскольку одно из них оказывается алогичным и, следовательно, неприемлемым: *Ночь сменяет утро*; *Поле скрывает сосновый бор* и т. д. Подобного рода конструкции при первом представлении всегда воспринимаются реципиентами по модели П – С – Д. Нелогичность возникающего при этом значения заставляет адресата высказывания мысленно возвращаться к написанному или сказанному с тем, чтобы установить его истинный смысл.

Конструкции, представляющие собой двучленные парадигматико-синтаксические омонимы, как правило, настолько затемняют смысл высказывания, что только опираясь на контекст или лингвистическую компетенцию реципиент может понять, о чем именно идет речь в данном предложении.

На этот раз парламент защищает правительство («Наш город», 5.09.2014): правительство выступает в защиту парламента или парламента – в защиту правительства?

Посторонние примеси содержат многие химические вещества (Неорганическая химия. 7–8 кл.): посторонние примеси содержатся в химических веществах или химические вещества – в примесях?

Ощущение счастья и удовольствия рождает смех (Из предисловия к роману Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»): ощущение счастья и удовольствия является причиной смеха или смех – это причина ощущения счастья и удовольствия?

Подобные конструкции, как видно из рассмотренных выше примеров, чаще всего строятся по следующей модели: имя существительное – переходный глагол – имя существительное. Однако в русском языке в качестве омоформы имени-тельный-винительный, кроме имен существительных могут использоваться местоимения, субстантивированные числительные и прилагательные.

Что же порождает ненависть? («Днепр вечерний», 9.06.2010): если рассматривать местоимение «что» в качестве подлежащего, предложение приобретет следующее значение: какова причина возникновения ненависти? Если же считать выделенный компонент прямым дополнением, высказывание будет иметь другой смысл: какие последствия являются результатом существования ненависти?

Пять человек обслуживают четыре машины («Наш город», 14.02.2010): словосочетание «пять человек», употребленное в значении субъекта, придает предложению такой смысл: четыре машины обслуживаются пятью людьми; данный компонент в роли прямого дополнения меняет значение высказывания следующим образом: пять человек обслуживаются четырьмя машинами.

Доброе рождает прекрасное («Аргументы и факты», 22.09.2011): компонент «доброе» в роли подлежащего придает фразе такое значение: доброе является причиной рождения прекрасного; в значении винительного падежа он меняет смысл предложения: доброе порождается прекрасным.

По словам Ш. Балли, «язык служит потребностям общения в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и с минимумом усилий для говорящего и слушающего» [1, с. 392]. Поскольку рассматриваемые синтаксически неоднозначные высказывания ставят реципиента перед необходимостью выбирать одно из нескольких значений и тем самым затрудняют процесс коммуникации, такие конструкции, на наш взгляд, следует признать негативным явлением, нуждающимся в элиминации.

Основными средствами деомонимизации конструкций с омоформой имени-тельный-винительный являются контекст и порядок расположения слов в высказывании.

Наш опыт показывает, что в большинстве случаев контекст действительно помогает выбрать тот вариант понимания неоднозначной конструкции, который соответствует авторскому замыслу, однако его нельзя считать единственным и универсальным средством элиминации неоднозначных высказываний.

Некоторые исследователи предлагают в качестве одного из возможных способов деомонимизации обращение к такому понятию, как лингвистическая компетенция адресата высказывания. Но компетенция читающего или слушающего, так же как и контекстуальное окружение, далеко не всегда обуславливает однозначность понимания омонимичных конструкций, поскольку люди чаще всего имеют довольно ограниченные познания в тех областях человеческой деятельно-

сти, которые не являются общедоступными или общеизвестными. В случаях, когда ни контекст, ни компетенция адресата высказывания не позволяют определить истинное значение конструкции, следует обратиться к транспозиции компонентов предложения.

В отличие от лексических и грамматических омонимов, возникающих в процессе исторического развития языка, синтаксические омонимы чаще всего являются результатом небрежности или невнимательности, а также – незнанием законов русского синтаксиса. Имея дело с конструкциями, строящимися по подобным моделям, автор текста должен быть предельно внимателен. Ему необходимо помнить о том, что читатель первоначально воспримет омоформу именительный-винительный, стоящую в абсолютном начале предложения, в значении именительного падежа, поэтому нельзя допускать, чтобы в препозиции находилось имя, употребленное в форме винительного падежа. Это правило стилистики сформулировал еще А. С. Пушкин, который писал: «Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естественном его порядке...» [10, с. 157], то есть необходимо придерживаться строго фиксированного порядка расположения компонентов в подобного рода конструкциях, а именно подлежащее – сказуемое – прямое дополнение.

По нашему мнению, проблема синтаксической омонимии является частью более общей проблемы соотношения формы и содержания в языке, что делает ее глубокое теоретическое изучение настоятельной необходимостью.

Бібліографічні посилання

1. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Наука, 1955. – 416 с.
2. **Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения / А. В. Гладкий. – М. : Наука, 2007. – 152 с.
3. **Головня А. И.** Омонимия как системная категория языка : монография / А. И. Головня. – Мн. : БГУ, 2007. – 132 с.
4. **Ермаков А. Н.** Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. Е. Ермаков // Труды Международного семинара «Диалог 2002» : в 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 23–35.
5. **Колесников Н. П.** Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – 140 с.
6. **Малаховский Л. В.** Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. – Л. : Наука, 1990. – 240 с.
7. **Ножов И. М.** Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы). / И. М. Ножов. – М. : Наука, 2003. – 140 с.
8. **Пушкин А. С.** Мысли о литературе / А. С. Пушкин. – М. : Современник, 1988. – 639 с.

Надійшла до редколегії 30.01.15